

Разнообразные плоскости русского влияния на польскую социологию в 1864–1918 гг.

Торунь, Польша

Университет Николая Коперника

История социологии началась в 1830 г., когда О. Конт издал первый том «Курса позитивной философии». С того времени социология стала распространяться и развиваться в других странах, среди которых важную роль сыграли русские и польские ученые. Начальным моментом социологии в Польше считается время первого издания перевода *Principles of political economy*¹ (Петербург, 1859) и первых работ Юзефа Супинского (в 1860–1865 гг.). Так как вопросы новой социальной науки появились в творчестве польских ученых на 30 лет позже ее мирового начала, социология в Польше с самого начала подвергалась чужим влияниям. Стремясь к развитию этой дисциплины, польские социологи были вынуждены пользоваться трудами ученых других стран, поэтому нельзя не учесть этот факт в описании истории социологии в Польше. Французский, английский и немецкий факторы уже давно были замечены польскими историками социологии. Значение творчества Огюста Конта, Герберта Спенсера или Карла Маркса не раз подчеркивалось во многих монографиях и статьях. Конечно, никто не сомневался в том, что и работы русских ученых не были чужды полякам, но это влияние считалось менее важным. Временные рамки наших исследований (1864–1918) связаны с двумя важными датами в польской истории. Первая дата — 1864 — год подавления Январского восстания, польского народного движения против царизма. Вследствие репрессий усилилась активность цензоров, а через несколько лет, в 1869 г. высшее учебное заведение в Варшаве (Варшавская главная школа — *Warszawska Szkoła Główna*) было закрыто, а вместо него российские власти открыли Императорский Варшавский университет (1870). 1918 год знаменателен окончанием первой мировой войны и восстановлением независимого польского государства. Этот год не означал конца русского влияния на польскую социологию, но из-за изменения геополитической ситуации изменился и характер научных связей.

Русское влияние в польской социологии можно рассматривать в нескольких плоскостях. Первый и самый очевидный аспект внешних факторов в научном творчестве связан с цитатами, комментариями и библиографическими ссылками на труды иностранных авторов. Однако в исследуемый нами период во многих научных текстах не было выделенных списков использованной литературы или примечаний, что в значительной степени осложняет анализ цитирований. С другой стороны, в некоторых работах польских социологов ссылки или комментарии, относящиеся к творчеству русских ученых можно найти прямо в тексте, поэтому можно рассматривать эту плоскость как важный элемент анализа.

Второй канал, посредством которого русская социология отражалась в Польше — это переводы русскоязычных работ, издаваемые в Польше во второй половине XIX и начале XX веков. Однако таких переводов было немного, за полвека с лишним на польском языке издано лишь 12 работ² и трудно ограничивать влияние в этой области таким числом текстов. Тем более, что анализ переводов социологических работ не только с русского, но и с других языков, приводит к иным выводам. Абсолютное большинство польских интеллигентов владели русским языком. Значительная часть польской территории находилась в пределах Российской Империи, а основным языком, употребляемым в образовании, был конечно русский. Поэтому необходимость в переводах русскоязычных текстов была намного меньше, чем в случае работ на других языках. Количественное сопоставление переводов с английского, немецкого, французского, итальянского и русского языков, показывает, что с 60-х годов XIX столетия до 1918 г. в Польше были переведены около 200 социологических трудов, из них только 12 с русского³. Такие данные могли бы привести к ложному выводу о второ-

степенном значении русского фактора в развитии польской социологии. За аналогичный период в России были переведены более 1100 работ в области социологических наук⁴.

О том, что многие переводы западных социологических работ на русский служили не только русским ученым, но и польским, позволяет предполагать не только вышеупомянутый факт, что польские социологи свободно читали по-русски, но также сведения таких выдающихся лиц польской социологии как Болеслав Лимановски или Людвик Кживицки. В начале 1860-х годов Лимановски (1835–1935) был сослан в Архангельскую область. Именно там, в Мезени, его интерес к социологии формировался под влиянием научных трудов Герцена и Добролюбова, а о социологии как таковой он узнал из журнала *Современник*⁵. В своих воспоминаниях Лимановски писал, что во время ссылки он наверстывал отсталость в знании западной социологической литературы, а делал это посредством русских изданий⁶. Кживицки (1859–1941) тоже подчеркивал значение русской социологии и русских переводов в образовании своих социологических теорий⁷. Слова обоих ученых — лишь примеры сведений польских социологов о роли, которую русская социология сыграла в развитии общественных наук в Польше.

Другая плоскость, в которой осуществлялись русские влияния на польскую социологию связана с образовательной системой. Поляки учились в русскоязычных школах в Польше и в учебных заведениях на территории России. Вышеупомянутый Лимановски учился в Москве и Дерпте (Тарту)⁸. Прислушиваясь докладам русских профессоров, присваивал их идеи, но одновременно ознакомлялся с идеями западных ученых, конечно — посредством этих же русских преподавателей. Таким образом впервые о теории Дарвина он услышал на докладах проф. Глебова в Москве⁹.

Кароль Лихтански (1835–1870) изучал медицину и право в Киеве, а основы его теории формировались в Сибири, куда был сослан после Восстания 1863 г.¹⁰ Ян Гербурт-Гейбович (1842–1900) учился в Гродно и Москве. В своих работах пользовался трудами Соловьева и Толстого¹¹. В России, а именно в Петербурге, учился также Зыгмунт Геринг (1854–1931), социолог связанный с Народной Волей, который писал свои первые работы во время ссылки в Сибири¹². Перечисленные фамилии отнюдь не исчерпывают тему образования польских социологов в России. Это только небольшая часть длинного списка, насчитывающего несколько десятков более или менее известных представителей социологии в Польше.

Если речь идет о значении русских учебных заведений в формировании польской социологии, нельзя не учесть роли Императорского варшавского университета. Если в российских университетах в Москве, Петербурге, Казани и других городах учились десятки или сотни польских студентов, то в Варшаве их было намного больше. Структура университета напоминала другие российские вузы: были выделены 4 факультета — медицинский, юридический, историко-филологический и математико-физический. Хотя с науками об обществе прежде всего были связаны историко-филологический и юридический факультеты, будущие социологи учились практически на всех направлениях, например Станислав Крусински (1857–1886), один из выдающихся популяризаторов творчества Маркса в Польше, изучал медицину. Императорский Варшавский университет был российским учебным заведением, т.е. его организация, структура и формальные правила соответствовали стандартам общего устава российских университетов, но с меньшей автономией¹³, языком обучения был русский, а преподаватели в большинстве состоялись из русских профессоров. От других российских вузов варшавский университет отличался происхождением своих студентов, которые набирались прежде всего из польской молодежи из Варшавского научного округа¹⁴. Императорский Варшавский университет это единственный пример русского влияния на развитие польской социологии в таком масштабе. Это заведение имело значение не только для возникновения или эволюции социологических теорий отдельных выдающихся индивидов — будущих ученых, но и для студенческих масс, сегодня уже анонимных. В 1869–1913 гг. в Варшаве учились более 46 тыс. студентов, из чего поляки составляли в первых годах существования университета 86%, а позже около 60%¹⁵. Поляки слушали лекции русских юристов, историков и социологов. Происходящие из России профессора экзаменовали их и писали рецензии на их работы, из которых лучшие могли печататься в университетском журнале (до 9 выпусков в год) *Варшавская Университетская Известия*. Кроме того, в университете издавался еще один журнал — *Записки общества истории, филологии и права при Императорском варшавском университете*, в котором можно найти много текстов из областей, входящих в круг интересов социологов. В ИВУ за

45 лет его существования (1870–1915) печатались более 50 статей в области социологии, социальной истории и антропологии, а в *Записках...* (всего 6 нерегулярных выпусков в годах 1902–1912) таких текстов было 10. Среди них можно выделить статьи объемом 1–2 печатных листов, монографии (печатаемые в частях в отдельных выпусках) по 200–300 страниц, а также рецензии на студенческие работы. Авторами были ученые, связанные с Императорским варшавским университетом, как русские, напр. Николай Кареев (1850–1931), Евгений Спекторский (1875–1954), так и поляки: Ян Кухажевски (1876–1952), Северын Смоликовски (1850–1920) и др. Из-за отсутствия статистических данных о чтении университетских журналов, трудно определить, насколько статьи и монографии преподавателей были популярны среди студентов, но тем не менее, надо видеть в них очередной канал влияния на развитие польской социологии. Однако, такие данные есть по отношению к использованию библиотеки варшавского университета, в ней хранилось более полумиллиона экземпляров, а студенты чаще всего читали книги на русском языке¹⁶.

Анализируя роль Императорского варшавского университета в развитии польской социологии, надо учесть, что мнения относительно этого заведения отнюдь не однозначны. С одной стороны, открытие университета было связано с ликвидацией относительно автономического польского вуза — Варшавской главной школы и было одной из репрессий после Январского восстания 1863–64 гг. В этом смысле варшавский университет был одним из элементов в процессе русификации польской интеллигенции. Лекции проводились на разном уровне, а лояльность преподавателя часто оказывалась важнее его знаний. Среди профессоров, кроме людей, занимающихся научной работой, были также закаленные русификаторы-полонофобы, напр. Николю Любавич утверждал, что значение Польши в борьбе с Тевтонским орденом было небольшое, а поляки сыграли лишь маловажную роль в Грюнвальдской битве 1410 г.¹⁷.

С другой стороны, это был единственный университет в Царстве Польском (Привислинский край). Альтернативой для него были только западные университеты или учебные заведения в других городах Российской империи, но для жителей Царства Польского обучение как на Западе, так и в России было связано с намного большими финансовыми затратами, чем учеба в Варшаве. По воспоминаниям Станислава Крусинского, и историка, занимающегося варшавским университетом — Иренеуша Игнатовича, многие студенты императорского университета происходили из бедных семей и не были бы в состоянии выехать за границу¹⁸. Поэтому, даже если уровень обучения не всегда можно было сравнить с университетами в Петербурге, Париже или Вене, то для многих молодых людей из Привислинского края не было другого выхода. Оценивая Варшавский университет, нельзя забывать о таких его сотрудниках, как Николай И. Кареев, Дмитрий Я. Самоквасов (1843–1911), Евгений Спекторский, Григорий Ф. Симоненко (1838–1905) и др., которые были выдающимися социологами, историками, археологами, экономистами не только на уровне Варшавского университета, но и всей России. Надо подчеркнуть, что работа в Варшаве часто была важным моментом их научной карьеры — напр. для Кареева проезд в Польшу был связан с возможностью развиваться, так как в Московском университете, где раньше работал, из-за большого количества старших профессоров, он был бы вынужден долго ждать собственной кафедры, которую в Варшаве мог получить намного легче¹⁹. О том, что польские студенты высоко ценили тех русских преподавателей, которые занимались научной работой, а не русификацией студентов, свидетельствуют воспоминания польских социологов. Кживицкий подчеркивал, что Профессор Никитский (или Никольский) возбудил у студентов сильный интерес к творчеству Конта, а Симоненко — к кооперативизму²⁰. Если говорить о положительном влиянии преподавателей Императорского варшавского университета на будущих польских социологов, это влияние было связано прежде всего с деятельностью русских профессоров, так как студенты считали их более прогрессивными, чем поляков²¹.

Кроме уже упомянутых Кживицкого, Крусинского и Смоликовского, в варшавском университете учились или работали другие поляки. Самые известные из них: Юзеф Кашница (1834–1887), Казимеж Келлес-Крауз (1872–1905), Ян Гербурт-Гейбович, Вацлав Махайски (1866–1926), Станислав Грабски (1871–1949).

Среди разнообразных плоскостей, в которых наблюдается русское влияние на польскую социологию, важное место принадлежит личным контактам польских социологов с русскими учеными и политическими деятелями. Такое сотрудничество часто происходило на почве социалистических организаций, как в случае Болеслава Лимановского. После того,

как его изгнали из Галиции за социалистическую пропаганду, польский социолог жил в эмиграции в Женеве, где сотрудничал с русскими и украинскими анархистами: Н. Жуковским, П. Аксельродом, Г. Плехановым и М. Драгомановым²². От русских знакомых получал социологические книги и журналы²³. Контакты с русскими социологами Лимановски поддерживал и в Париже, куда переехал из Женевы в 1887 г. —встречался с П. Лавровым, читал его *Wnętrze*, где появилась рецензия на его книгу *Dwaj znakomici komuniści Morus i Campanella*²⁴. В Париже состоялась также встреча Лимановского с Кареевым.

Другой польский ученый исследуемого нами периода, Крусински, когда жил в России, связался с Черным Переделом, а свои симпатии поддерживал также после приезда в Польшу. Однако пока мы не в состоянии назвать фамилии социалистов или социологов из России, с которыми он сотрудничал.

Упомянутый в данном тексте уже несколько раз Кживицки в эмиграции, в Париже, часто встречался с народовольцами, но прежде всего с П. Лавровым и Л. Тихомировым. Другой социолог-социалист, Людвик Кульчицки (1866–1941) в возрасте 21 года выехал на несколько месяцев в Женеву, где познакомился с польскими эмигрантами (среди них был Лимановски) и русскими — (Плеханов)²⁵.

Особый случай составляют личные контакты Леона Петражицкого, который был учителем таких русских социологов как П. Сорокин, Г. Гурвич и Н. Тимашев. Однако в этом случае трудно говорить о их влиянии на научное творчество Петражицкого. Из-за оригинальности его социологического учения лучшим выходом является утверждение, что Петражицкий является выдающимся представителем и польской, и русской социологии и это он влиял на польских и русских молодых ученых, а не они на него.

Конечно, описанные личные связи польских социологов с русскими составляют лишь небольшой процент всех контактов в исследуемом нами периоде. Другой тип научных связей представляют собой социологические и социально-политические журналы, издаваемые на польском языке в Царстве Польском и в эмиграции. С такими периодическими изданиями часто сотрудничали польские социологи (например с журналом *Głos* «Голос» — Зыгмунт Балицки, Станислав Бжозовски и Л. Кживицки), в них также печатались тексты русских авторов и рецензии на русскоязычные работы. Одним из многих примеров такого влияния является журнал *Kraj*, издававшийся в Петербурге на польском языке в 1882–1909 гг. Основатели журнала, Владзимеж Спасович и Эразм Пильц становились на сторону панславизма и лояльности относительно царских властей. В журнале появлялись статьи, посвященные русской социологии, напр. в 1885 г. текст Адама Марбурга *Profesorowie Błok i Kariejew jako historycy przyszłości* (Проф. Блок и Кареев как историки будущего)²⁶. В Варшаве в 1866–1905 гг. Адам Вислицки издавал *Przegląd Tygodniowy* (Еженедельное обозрение), в котором печатались социологические тексты, напр. относящиеся к теориям Конта, Спенсера, Милла или Бокла. Из русских авторов в журнале появлялись труды Д. Писарева, но этот факт возбудил интерес цензуры и стремления польских редакторов издать в серии *Biblioteka Przeglądu Tygodniowego* (Библиотека еженедельного обозрения) работы Писарева, Лаврова и Сеченова оказались безуспешными²⁷. В *Ateneum* (Атенеум), издаваемом в Варшаве в 1876–1901 гг., печатал свои статьи Кживицки, но о социологии писали и другие авторы, напр. в 1884 в тексте *Synteza badań filozoficznych nad dziejami ludzkości* (Синтез исследований истории человечества) Наполеон Гиршбанд (Цезары Еллен-та) широко описывал *Главные проблемы философии истории* Кареева²⁸. С журналом *Przegląd Społeczny* (Социальное обозрение) же сотрудничали Балицки и Лимановски, но там печатались также переводы статей русских авторов, напр. Г. Плеханова *Ferdynand Lassalle — życie jego i działalność* (Фердинанд Ласалль — его жизнь и деятельность)²⁹. Издаваемая в Женеве *Walka klas* была социалистическим журналом. Там кроме польских социологов-социалистов печатались и труды русских авторов, напр. польский перевод работы *Социальная революция и задачи нравственности* Лаврова (*Rewolucja społeczna i zadania moralności*)³⁰. В журнале *Przedświt* (Рассвет), издаваемом в Женеве, Лейпциге и Лондоне в 1881–1905 гг., а потом в Польше (1907–1920), можно найти тексты Плеханова, Кропоткина, Александра Погодина.

Станислав Крусински ссылался на работы многих русских авторов, напр. в своей монографии *Drobna własność i parcelacja w świetle nowej nauki* (Мелкое владение и парцелляция в свете новой науки) пользовался трудом Николая Зиберы *Мысли об отношении между общественной экономией и правом*³¹. В своих других работах

ссылался на экономистов Александра Васильчикова, Андрея Исаева или психолога Владимира Бехтерева. По сведениям Кживицкого, Крусински читал *Отечественные записки* и другие русские журналы³².

Казимеж Келлес-Крауз проявлял большой интерес к русской социологии. В лекциях, которые читал в Париже в Collège libre des sciences sociales, представлял научное творчество Плеханова и Кареева. В 1901 г. в Брюсселе получил звание доктора социальных наук и сотрудничал с Максимом Ковалевским. Его интересовали также работы Евгения де Роберты³³, которого считал одним из передовых мировых социологов и психологов. Высоко оценивал также труды Михайловского и Лаврова.

Описанные в тексте труды польских социологов, сети их личных контактов, журналы, в которых печатались их статьи и университеты, в которых они учились это лишь примеры многих плоскостей, на которых совершалось русское влияние на польскую социологию. Творчество отдельных социологов в контексте русского фактора в их трудах подробно рассматривается в отдельных текстах³⁴.

Примечания

- ¹ 1-ое российское издание — Петербург, 1860: *Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии*
- ² М. Kubiacyk, *Bibliografia przekładów literatury socjologicznej na język polski w latach 1859–1939*, неопубликованная магистерская работа, Toruń 1994.
- ³ Там же.
- ⁴ Термин «социологические науки» нуждается в пояснении. Кроме работ, которых социологическая тематика не подвергается никаким сомнениям (напр. Спенсера, Вебера, Зиммеля и др.), мы брали во внимание также тексты, которые посредственно относились к социологическим теориям, в том числе труды социалистов, напр. Лафарга, Каутского, Жореса. Такой подход связан со степенью развития социологии — эта дисциплина во второй пол. XIX в. всё же ещё развивалась и далеко не все авторы, занимающиеся проблематикой социальных отношений, считали себя социологами. Самым ярким примером такого подхода к социологии является Карл Маркс, который избегал определения «социологический» по отношению к своим работам, а которого современные социологи считают одним из самых выдающихся представителей своей дисциплины.
- ⁵ В. Limanowski, *Pamiętniki t.1 (1835-1870)*, Warszawa 1957, с. 318
- ⁶ Там же, 322; 397
- ⁷ L. Krzywicki, *Wspomnienia t.2*, Warszawa 1958, с. 45
- ⁸ В. Limanowski, *Pamiętniki t.1...*, с. 124–126
- ⁹ Там же, s. 93
- ¹⁰ W. Winclawski, *Słownik biograficzny socjologii polskiej t.2*, Toruń 2004, с. 225–236.
- ¹¹ Тот же, *Słownik biograficzny socjologii polskiej t.1*, Warszawa 2001, с. 224–225
- ¹² Там же, с. 232; J. Szacki, *Sto lat socjologii polskiej*, Warszawa 1995, с. 205–206
- ¹³ С небольшими исключениями, напр. в Варшаве, из-за кадровых недостатков, было меньше кафедр, чем в других университетах, не было также кафедры православной теологии, что было связано с местной спецификой католической Польши; I. Ihnatowicz, *Uniwersytet Warszawski w latach 1869–1899*, в: S. Kieniewicz, (ред.), *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1807–1915*, Warszawa 1981, с. 114.
- ¹⁴ Там же, с. 438–440.
- ¹⁵ Там же, с. 442–446, Ср, *Historia Nauki Polskiej*, t.IV (1-2)..., с. 400.
- ¹⁶ По частичным данным с 1899/1900 учебного года; K. Krzeczkowski, *Czytelnictwo wśród studentów Uniwersytetu Warszawskiego. Przyczynek do statystyki życia umysłowego*, „Biblioteka Warszawska” t.1/1905, с.333.
- ¹⁷ W. Diakow, *Tematyka polska w historiografii rosyjskiej na przełomie XIX i XX w.*, в: M. Leczyk, (ред.), *Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne*, Warszawa 1980, с. 92–93.
- ¹⁸ S. Krusiński, [1965] (1879–1881), *Listy do Michała Łempickiego seniora i Michała Łempickiego juniora*, „Ze Skarbcza Kultury”, z.17/1965, с. 70–75 и др.; I. Ihnatowicz, *Uniwersytet Warszawski w latach 1869–1899...*, с. 446–450.
- ¹⁹ I. Ihnatowicz, *Uniwersytet Warszawski w latach 1869–1899...*, с. 479.
- ²⁰ L. Krzywicki, , *Wspomnienia t.2*, Warszawa 1958, с. 18.
- ²¹ Польских преподавателей студенты упрекали в измене языка и родины; В. Limanowski, *Pamiętniki t.II (1870-1907)*, Warszawa 1958.

- ²² B. Limanowski, *Pamiętniki t.1...*, c.223–224.
- ²³ Там же, c. 289; 335.
- ²⁴ Там же, c. 90; 446.
- ²⁵ J. Szacki, *Sto lat...*, c. 206; 354–55.
- ²⁶ A. Mahrburg, *Profesorowie Błok i Kariejew jako historycy przyszłości*, „Kraj” 1885, nr 1, s.22; nr 2, s.19–20.
- ²⁷ K. Duszenko, *Warszawscy pozytywiści i carska cenzura*, „Kwartalnik historii prasy polskiej” 1979/3, s. 9.
- ²⁸ N. Hirszbard, *Synteza badań filozoficznych nad dziejami ludzkości*, „Ateneum” 1884 t.3, s.98–112; 223–37.
- ²⁹ G. Plechanow, *Ferdynand Lassalle — życie jego i działalność (szkic historyczny)*, „Przegląd Społeczny” 1886/9, s. 206–19.
- ³⁰ P. Ławrow, *Rewolucja społeczna i zadania moralności. (List otwarty do młodych towarzyszy)*, „Walka klas” 1884/2, s. 11–16; 1884/3, s. 16–20; 1884/4, s. 9–16; 1884/5, s. 10–19.
- ³¹ Там же, c. 107–108.
- ³² L. Krzywicki, *Wspomnienia t.2...*, c. 44.
- ³³ K. Kelles-Krauz, *Socjologia i psychologia*, „Głos” 1904/48, c. 752–755; 1904/49, c. 769–771.
- ³⁴ M. Głuszkowski, *Wpływy rosyjskie w socjologii Ludwika Krzywickiego*, „Przegląd Socjologiczny” LVIII/2 2009, c. 53–69; M. Głuszkowski *Wpływy rosyjskie na socjologię polską w latach 1864–1918*, w: P. Łuczeczko (red.), *Historie nieoczywiste. szkice z dziejów socjologii polskiej*, Gdańsk 2010, c. 227–248.

Ключевые слова	Wyrazy kluczowe	Keywords
журналы история социологии переводы Польша Россия социализм учреждения цитирования эмиграция	cytowania czasopisma emigracja historia socjologii instytucje Polska Rosja socjalizm tłumaczenia	citations emigration history of sociology institutions periodicals Poland Russia socialism translations

Глушковски М. Разнообразные плоскости русского влияния на польскую социологию в 1864–1918 гг.

Развивающаяся польская социология во второй половине XIX века подвергалась западным влияниям, но этот факт уже был описан. Однако оказывается, что значение русского влияния в научном творчестве избранных социологов отнюдь не менее важно, чем немецкого, французского или английского. Польские социологи учились в российских университетах, читали труды русских ученых или русскоязычные переводы западных авторов. Многие из них встречались с русскими социологами и политическими деятелями. Данная статья представляет обзор важнейших плоскостей, на которых совершались русские влияния на польскую социологию.

Głuszkowski M. Różnorodne płaszczyzny rosyjskich wpływów na polską socjologię w latach 1864–1918

Rozwijająca się polska socjologia w drugiej połowie XIX wieku znajdowała się pod wpływem socjologii zachodnich, ale ten czynnik został już opisany. Okazuje się jednak, że znaczenie wpływów rosyjskich w twórczości wybranych socjologów było nie mniejsze niż niemieckich, francuskich czy nawet angielskich. Polscy socjologowie studiowali na rosyjskich uniwersytetach, czytali rosyjskie prace oraz rosyjskie tłumaczenia praca autorów zachodnich. Wielu z nich utrzymywało ożywione kontakty naukowe, polityczne i towarzyskie z Rosjanami. Niniejszy artykuł przedstawia zarys najważniejszych płaszczyzn, na których miały miejsce rosyjskie wpływy w polskiej socjologii.

Głuszkowski M. Various dimensions of Russian influence in Polish sociology (1864–1918)

The developing Polish sociology in the 2nd part of the 19th century was influenced by the Western sociologists, and this outer factor has been already described. However, the researches show that the Russian influence in some authors' works was as important as German, French or English. Polish sociologists were studying at Russian universities, reading Russian sociological texts as well as Russian translations of Western authors' works. There were also many scientific, political and personal contacts between Polish and Russian sociologists. The article gives an outline of various dimensions of Russian influence in Polish sociology.

Подходы к категории «концепт» в славянском языкознании

Горловка, Украина

Горловский педагогический институт иностранных языков

Современное лингвистическое знание отмечено возросшим интересом к исследованию концепта. Цель статьи — рассмотреть межпарадигмальные отношения в исследовании концепта с целью воссоздания порядка их взаимосвязи. Для достижения поставленной цели следует решить задачи: рассмотреть подходы, существующие в современном лингвистическом знании исследования концептов, дать их краткую характеристику, определить наиболее значимые направления в исследовании данной категории.

Совокупность концептов образует «концептосферу данного народа и соответственно данного языка, что имеет непосредственное отношение к языковой картине мира» [7, с.116], а «языковые проекции концептов позволяют обнаружить не только картину мира, лингвистически освоенный мир, но и своеобразие способа освоения мира» [7, с.125]. Концепт, по М. Хайдеггеру «отражает этническое мировоззрение, маркирует этническую языковую картину мира» [17, с.9]. Приняв за исходную версию корреляцию концепта со структурой определенной ЯКМ, рассмотрим его толкование с разных научных позиций.

На основе многих исследований в современной науке можно выделить следующие основные подходы к трактовке концепта:

Лингвокультурологический подход рассматривает культуру сквозь призму совокупности концептов и отношений между ними. «Концепт — сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, ..., тот «пучок» представлений, знаний, понятий, ассоциаций, который сопровождает слово» [15, с.44]. Концепт представляется основной ячейкой культуры в ментальном мире человека, предоставляя языку именовать сгусток культуры — концепт. Г.Г. Слышкин обращает внимание на важность культурной информации, передаваемой концептом, поскольку формированию последнего представляет собой «процесс соотнесения результатов опытного познания действительности с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами, выраженными в религии, искусстве и т.д.» [14, с.34]. Карасик В.И. предлагает «считать концепты первичными культурными образованиями, выражением объективного содержания слов, имеющими смысл и поэтому транслируемыми в различные сферы бытия человека, в частности в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство) и преимущественно деятельностного (обыденная жизнь) освоения мира» [7, с.123]. Еще одну характеристику концепта, свидетельствующую о культурологической составляющей его природы, — динамичность — рассматривает И.А. Широкова: «экстенционал концепта открыт, то есть это динамичное поле, состав элементов которого может меняться» [18].

Однако существуют мнения о бивалентности феномена концепта, присвоенной ему композицией культурологических и лингвистических черт. Центральным ядром концепта является «ценность...которая связана с категорией «оценка». На ценностях базируется оценка... Поскольку человек оценивает действительность, в его языке всегда есть много слов, грамматических категорий, синтаксических конструкций и т.д., призванных отображать оценочное отношение к миру, а значит, вербализовать ценности» [9, с.142].